

Отзыв

официального оппонента, Пищальниковой Веры Анатольевны, о диссертации **Рыжкова Дениса Игоревича** «Семантическое развитие христианской религиозной лексики (на материале латинского, французского, итальянского, английского и русского языков)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка. Тверь, 2018.

Диссертация Д.И. Рыжкова посвящена исследованию семантического развития христианской религиозной лексики и выполнена на материале пяти языков. Семантическое развитие понимается как сущностное динамическое свойство языка, которое детерминируется необходимостью сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности.

Проанализируем важнейшую часть квалификационной работы – представление значимости, новизны и методологии исследования.

Предваряя анализ научного контекста и формулирование необходимых структурно-содержательных понятий работы, Д.И. Рыжков определяет базовые интерпретативные термины исследования: значение, концепт, религиозная лексема, религионим (см. с. 1 автореферата).

Актуальность исследования не вызывает сомнений: она определяется установлением семантического потенциала религионимов и характера их динамики; необходимостью выявления тенденций и закономерностей этой динамики в разных языках; прояснением различий в «поведении» семантики в синхронии и диахронии; возможно, определением динамических семантических универсалий и др., но не «необходимостью дальнейшего изучения <...> так как данная проблематика в этом аспекте остается не до конца разработанной», как пишет автор. Обычно актуальность проблемы связывают с тем, какую фундаментальную проблему данной науки помогает решить работа, или с важностью осмысления проблемы для развития данного социума.

Гипотеза исследования формулируется предельно лаконично и «состоит в том, что потенциал семантического развития христианских религионимов вербализует диахроническое пространство их концептосферы» (с. 5 диссертации). Если абстрагироваться от стилистических особенностей формулировки («потенциал вербализует» и др.), это означает, что динамика семантики лексем отражает динамику концептосферы. Представляется, что доказывать это излишне. На самом же деле в главе 3 делается попытка представить оригинальную модель диахронического развития семантики исследуемой лексической группы. Согласно ей, **существуют определенные закономерности формирования концептосферы, которые репрезентируются в семантических константах концептов,**

представленных разновременными лексемами. Автор называет их синхронемами. При этом различия между синхронемами проявляются в двух параметрах: степени их семантического различия и времени актуального существования в языке, но характер связи между ними закономерен и ахроничен и детерминируется универсальными свойствами языковых систем. Это серьезное, смелое и важное для семантической теории предположение, которое автору нужно было сформулировать точнее.

«**Объектом** исследования являются лексемы, входящие в религиозную сферу и имеющие в своём составе теoантропологический макрокомпонент, а также фразеологизмы латинского, английского, французского, итальянского и русского языков» (с. 5 диссертации). Полагаю, что это все же **материал** исследования. Лингвистика исследует инварианты, модели, а потому, вероятно, научный объект в работе – лексическое значение, а **предметом** исходя из цели диссертации является его диахроническая динамика.

«**Целью** данной диссертации является установление основных вариантов семантического развития христианских религионимов...» (с. 5), при этом не вполне ясно, что имеет в виду автор: *способ* или *результат семантического изменения*?

Формулируя задачи исследования, автор на первое место ставит выявление причин семантического развития слова – это, пожалуй, самая неразрешимая из семантических проблем. Кроме того, в задачах и в самой работе никак не определяется *процедура установления этих причин* и нет эффективной дефиниции понятий «исходное значение» и «этимон», хотя делается несколько попыток их противопоставить.

Заметим эти два важных методологических момента и проследим за тем, как они, возможно, решаются на страницах исследования.

Еще одна привлекающая внимание задача – «соотнести потенциал семантического развития с концептом» (с.6). И снова возникает вопрос: как можно ставить задачу соотнести моделируемые тенденции развития (потенциал) с содержанием концепта как структуры знания? Представляет ли автор, какого уровня тщательности, детальности и объема диахроническое исследование нужно совершить, чтобы решить эту задачу, к тому же разработав уникальную процедуру лингвистического анализа?

Запомним и эту задачу и проанализируем характер ее решения в работе.

При характеристике **материала** соискатель отмечает, что исследует «14 библейских переводов (2 латинских, 1 английский, 3 итальянских, 4 французских и 4 русских/церковнославянских)» (с. 5). С чем связано разное количество переводов, избранных для исследования? По каким критериям они отбирались?

К основным методам исследования автор относит сравнительно-исторический метод, системно-структурный, дефиниционный, валентностный и лингвоконцептологический. Исследование проводится в русле «семантико-когнитивного подхода» (с. 6). Такое заявление предполагает, что исследование будет, по крайней мере, разделено на ряд этапов, на каждом из которых осуществляется анализ с помощью перечисленных методов, а выводы будут каким-то образом соотноситься в соответствии с определенной моделью лексического значения.

Поищем в диссертации и эту оригинальную модель. А пока отметим одно сомнение: могут ли такие *процедурно не разработанные* методы, как лингвоконцептологический и семантико-когнитивный, существенно помочь в решении поставленной цели?

Нельзя оставить без внимания и представление автора о **научной новизне** своей работы. «Научная новизна исследования заключается в введении понятий коннотативная *валютация* и *девалютация* значения («оценивания» и «обесценивания»), вместо улучшения и ухудшения, в определении места этимона в потенциале семантического развития лексемы в лингвоконцептологическом аспекте, в нелинейно-полевой модели семантического развития религионима в славянских, германских и романских языках, в выделении относительной константы и её вариантов (синхронем), которые реализуются в динамике» (с. 6).

Не думаю, во-первых, что введение терминов с иноязычными корнями *без изменения их содержания* позволяет существенно повлиять на интерпретацию объекта. Не думаю, во-вторых, что нелинейно-полевая модель семантического развития – это новая в лингвистике модель. Она давно и эффективно применяется, особенно в психолингвистике, в разных модификациях. Но если это использование существующей модели или ее идеи, в науке принято данное обстоятельство оговаривать. Кроме того, существенно, автор претендует на создание *общей модели* для перечисленных языков или в каждом из них действует *специфическая* модель, которая интегрируется с другими по ряду сходных признаков? Ответ на этот вопрос, в-третьих, как раз и отражает характер развития концептуального пространства. Что же касается относительной константы и её вариантов, то процедуры их выделения не проработаны. Таким образом, новизна, заявленная на первых страницах работы, представляется мне не вполне очевидной. Однако, возможно, сомнения исчезнут при подробном знакомстве с работой.

Научный контекст, на наш взгляд, представлен не вполне системно, что вызывает несколько вопросов. На каком основании выбирались концепции и имена, характеризующие этапы в развитии семантики? Каковы основные тенденции в исследовании темы, ее существенные проблемы и степень их проработанности? Ведь принято отмечать те концепции, которые предлагают новые подходы, теорию, новый концептуальный аппарат и главное – методы.

Не названы и не используются работы серьезных лексикологов уровня Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Л.М. Васильева, Т.В. Булыгиной; фундаментальные работы даны вперемешку с второстепенными. Среди работ, посвященных исследованию религиозной лексики, не названы серьезные и значительные работы Л.А. Кузьменко, С.В. Федотовой.

К исследователям концепта отнесены Н.Ф. Алефиренко, А.А. Залевская, Д.С. Лихачёв, Ю.С. Степанов, З.Д. Попова, И.А. Стернин – ряд, показавшийся мне странным в связи с тем, что сюда включены исследователи, изучавшие концепт в очень разных аспектах, соединить которые в одну непротиворечивую дефиницию невозможно. При этом роль каждого не определена даже и в параграфе, специально посвященном дефинициям концепта. Весьма лаконичное описание научного контекста проблемы заключено выводом: «В результате создается впечатление, что религиозная концептосфера детерминирована национальным менталитетом, ведь в качестве материала семантико-когнитивного исследования часто используется только родной язык» (с. 5). Во-первых, семантико-когнитивный подход и не претендует на изучение иного материала как лингвистическое направление, во-вторых, следовало бы дать дефиниции терминов «концептосфера» и «национальный менталитет» – в противном случае утверждение автора далеко не абсолютно. Отметим сразу, что дефинирование разнообразных терминов, применяемых в работе, – далеко не стабильная характеристика авторского стиля.

Поскольку **положения, выносимые на защиту**, предшествуют основному тексту, рассмотрим их, чтобы сравнить научные притязания соискателя с полученными им результатами.

В первом из положений указывается, что «этимон является одним из фундаментальных компонентов исходного значения, а по отношению к концепту он оказывается одним из околядерных вербализаторов. Поэтому в исходное значение входят несколько этимонов» (с.7). Помните, мы уже хотели найти основания различия исходного значения и этимона? При знакомстве с положением, выносимым на защиту, желание это усиливается. Что имеет в виду автор: соотношение исходного значения, этимона, концепта, семантического инварианта? Но разве исходное значение может быть не концептуальным? Разве любое сформировавшееся значение не есть результат концептуализации? Отмечу сразу, что в тексте диссертации перечисленные понятия часто смешиваются.

Во **втором** положении отмечается, что «в основе отдельно взятого религионима лежит теoантропологический макрокомпонент, концептуальное ядро которого представляет собой видовое понятие, сохраняющееся в течение многих веков и вербализующееся в соответствующей семантической константе». Попытаемся восстановить лингвистическое содержание этого небесспорного стилистически пассажа. Религионим – лексема. В ее, видимо,

семантической основе есть теoантропологический макрокомпонент, в свою очередь содержащий концептуальное ядро – понятие, устойчивое в диахронии. Мало этого, понятие вербализуется в семантической константе. А эта семантическая константа не равна ли макрокомпоненту? И если нет, то *какова процедура ее вычленения?* Далее автор пишет, что существующий постоянно или очень долгое время макроконцепт является сферообразующей константой, *относительный (!)* вербальный инвариант которой представляет собой системообразующую семантическую константу. Очевидно, что в положении 2, выносимом на защиту, смешивается лингвистический анализ динамики значения с реальным процессом функционирования смыслов, но модель их соотношения не задана, термины не разведены.

Внятным представляется **положение 3**, которое отражает применение автором известного вывода к религионимам: «системообразующая семантическая константа обеспечивает лингводинамическую устойчивость христианских религионимов в диахроническом пространстве концептосферы» (с.7). Положение 3, по сути, предполагает определенную модель, которая должна отражать функционирование и динамику религионима.

В **положении 4**, выносимом на защиту, отмечено: «4. Семантическое развитие ограничено динамической системой языка, функционирование которой зависит от диахронического пространства концептосферы» (с. 7). Основания такого заявления? Каким образом *система* языка зависит от конкретной концептосферы, которая *моделируется* на основании фрагментов этой самой системы? Знаком ли автор с принципами лингвистического моделирования?

Положение 5 представляется общеизвестным.

Характеристика **теоретической основы** исследования также вызывает ряд вопросов: она, по мнению автора, представляет собой объединение концепций ученых, принадлежащих к очень разным научным парадигмам и создавшим концепции, очень разные по уровню фундаментальности. И если их объединять, то надо иметь для этого серьезные основания и, по крайней мере, прояснить их для читателя. Отсутствие в перечне фундаментальных исследований по внутренней форме слова А.А. Потемни, семантических трудов Л.В. Щербы, Ю.Д. Апресяна, Д.Н. Шмелева, зарубежных исследований по когнитивной семантике радикально сказывается на уровне анализа языкового материала.

Глава 1 «Теоретическое осмысление семантического развития», судя по названию, предполагала осмысление научного контекста поставленной проблемы, а потому должна ответить на ряд поставленных вопросов, возникших в ходе знакомства с введением работы. В параграфе «Теоретическая установка» соискатель выдвигает ряд положений, которые, надо полагать, являются для него такой установкой:

- при рассмотрении истории семантического развития определённой лексической единицы логичным представляется выбор этимона анализируемого слова в качестве основы;
- этимон не сообщает о доминирующем значении слова, что препятствует его рассмотрению в качестве отправной точки семантического развития;
- этимон не является исходным значением слова;
- исходное значение слова не является отправной точкой семантического развития;
- исходное значение не сводится лишь к одному этимону, а составляет некое семантическое единство фундаментальных компонентов – разных первичных номинируемых фрагментов объекта; на с.13: «можно достаточно смутно представить исходное значение в качестве отправной точки семантического развития».
- и все же без этимона нельзя обойтись, так как он – фундаментальный компонент исходного значения слова, связанный с национальным менталитетом;
- поэтому здесь уместно говорить о семантическом конвергенте.

К сожалению, никаких четких определений перечисленных исходных интерпретирующих терминов в работе нет.

При этом демонстрируется непонимание процесса знакообразования: «Помимо этого, этимоны характеризуют исходное значение *с позиции действительности*, указывая на те её фрагменты, которые способствуют быстрому формированию *общедоступного целостного представления об именуемом объекте*. По-видимому, благодаря такому явлению и существует возможность перевода слова с одного языка на другой» (с. 12). Автор также допускает, что «безусловно, можно хронологически высчитать дату появления того или иного значения (данный метод не лишён оснований)» (с.13).

Автор к тому же утверждает, что «когда первичный номинируемый фрагмент исходного значения в одном языке не может объединиться в общедоступное целостное представление с этимонами других языков, слово не переводится» (с.12).

Возникает ряд вопросов. Если у слов в разных языках этимоны не совпадают, слова не переводятся? А если этимон не известен? Поэтому следующее положение соискателя не удивляет: «...выходит, что у религионима *храм* на современном этапе отсутствует прямое номинативное значение, но существует только не прямое. Разумеется, такое положение вещей не выдерживает критики» (с.10).

Диалектический взгляд автора диссертации не распространяется на общеизвестное положение о том, что вторичные значения могут на определенном этапе своего развития утрачивать связи с бывшими первичными и становиться-таки «прямыми номинативными». Не удивляет и «вывод о том, что исходное значение существует уже достаточно долго, а производные значения появляются в определённый промежуток времени» (с.13).

В главе перечисляются в качестве выводов общеизвестные для всех исследователей семантики теоретические посылки, которые акцентируют теоретическую базу работы.

Мы помним, что автор в качестве одной из задач определял выявление причин семантического развития. К собственно лингвистическим причинам развития семантики слова соискатель относит принцип экономии языковых средств, «так как в противном случае человеческая память была бы не в состоянии всё вместить. По-видимому, именно по этой причине у слова есть несколько значений» (с.18). Но память человека ассоциативно-апперцепционная, а нейронов у человека – триллион, не говоря уже о количестве потенциальных их связей. Так что фундаментальные причины изменения семантики лучше поискать у Ф. де Соссюра, Г. Пауля и А.А. Потебни.

В связи с характером представления лингвистических позиций соискателем отмечу сразу и особенность стиля, которая серьезно влияет на восприятие содержания работы. Соискатель часто весьма произвольно трактует ту или иную позицию, например: «То есть семантическое развитие напрямую зависит от изменения частотности слова [Пауль 1960: 103]». Однако Герман Пауль полагал, что изменение семантики проявляется в частотности слова, а это далеко не то же самое.

Рассмотрим логику **анализа** представляемых концепций.

«Но если исходить из того, что значение слова полностью зависит от контекста или коммуникативной ситуации, то в таком случае лексикографическая фиксация семантических границ христианских религионимов невозможна. Ведь тогда получается, что в каждом контексте слово приобретает новое значение. В результате можно прийти к выводу, что принцип экономии в языке просто не работает. Но даже если семантическое развитие слова зависит от употребления, то можно заметить, что христианские религионимы используются не во всех тематических блоках. Так, например, они не употребляются в одной главе сборника пословиц Даля под названием «Ключ носячих» [Даль 1989: 46]. Кроме того, трудно найти пример, чтобы религионим приобретал значение, относящееся к области электроники».

1. Полуистинная исходная посылка. На деле зависимость значения слова от контекста не произвольна: говорящий намеренно создает контекст, способный выявить это значение. 2. Незнание того, как создается лексикографический инвариант, – отсюда вывод о невозможности вечно меняющихся смыслов религионимов. Искреннее удивление тем, что слово в каждом контексте обнаруживает новое содержание. 3. Автор не знает, что контекстуальное употребление слова – это самый экономный принцип представления ментального содержания. 4. Автор с трудом допускает, что развитие семантики лексем совершается в их употреблении. Хотя это общеизвестное базовое положение, связанное с естественным характером

развития языка. И хотя логика признания этого положения должна бы привести автора к тому, что любая лексема развивается стихийно и предсказать области ее динамики трудно, автор логически непостижимым образом делает вывод: а вот религионим-то используется не во всех тематических блоках, значит он специфичен! На деле – как раз *не* специфичен, а реализует общие семантические закономерности. 5. В доказательство автор заявляет, что религионимы не употребляются в сборнике пословиц Даля и в области электроники, значит, определение А.И. Смирницкого неверно.

Еще один пример. «А.И. Смирницкий... предлагает следующее определение значения слова: «Итак, значение слова есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» [Смирницкий 1955: 89]. В данной формулировке остаётся не до конца ясным, является ли, например, значение слова *дух* результатом вербализации понятия и представления о духе (как образа) или оно существует «в готовом виде в мозгу». Во второй трактовке значение и понятие (вместе с представлением) – одно и то же».

Соискатель, увы, не разграничивает процесс концептуализации и функционирования языкового знака. Разные аспекты исследования системы языка смешиваются, и на этом строится критика. На деле авторы не повинны в том, что диссертант этих аспектов не различает.

Часто соискатель использует модальность, недопустимую для научного текста: некоторая снисходительность по отношению к очередному ученому, не разобравшемуся в очередной очевидной для диссертанта проблеме. Сюда же отношу манеру использования имен основателей языковедения без инициалов. При этом соискателю позволительна такая стилистика: «Разумеется, здесь приведено всего 4 примера. Но уже они говорят о том, что потенциал семантического развития некоторых религионимов «закладывается» в сакральном тексте».

Иногда соискателя не удовлетворяют лингвистические аксиомы, например, он полагает, что для решения его задач надо убрать из лингвистики дихотомию синхрония – диахрония, противопоставление имплицитного и эксплицитного, но серьезной аргументации не представляет.

Непрозрачность стиля формируется и не всегда адекватным употреблением терминов: «А изменение отношений номинации обуславливается появлением не только новых денотатов или новых номинантов, но и изменением самих связей между существующими

номинантами и существующими в семантической системе языка номинатами». Вместо того, чтобы сказать, что семантика изменяется в связи с изменением реалий и отношений к ним.

Общую картину стиля дополняют частотные констатации того, что, например, «и всё же некоторым лингвистам удавалось достичь результатов в разграничении значения слова и понятия».

Вернемся к сути исследования. Еще одну причину семантического развития автор усматривает «в наличии непрямых динамических (а не прямых статических) связей также между планом содержания и планом выражения [Рыжков 2016: 112]», ссылаясь на себя. И можно бы пройти мимо, если бы это *по сути* не было одним из оснований механизма языкового знака и одним из открытий Ф. де Соссюра. Из этого положения автор делает вывод о «неравенстве между скоростью семантического развития слова и мысли». Мы еще толком не знаем, что такое мысль, а соискатель сравнением скорости мысли и скорости развития слова обосновывает модель динамики значения. Если серьезно, то такое утверждение требует разработки особой модели второго уровня, основанной на языковых и ментальных *фактах*. У Вас – и у нас – их пока нет.

Автор выходит за рамки своего объекта исследования и пытается исследовать некоторые междисциплинарные проблемы: «В результате соотношение между мыслью и значением оказывается не синхроническим (одновременным), а диахроническим»; «И до тех пор, пока мысль не будет когнитивно-коммуникативно актуализирована, она, скорее всего, не повлияет на семантический потенциал лингвистической единицы»; «При этом языковую семантизацию мысли трудно назвать моментальной. На её продолжительность влияет специфика конкретной лингводинамической микросистемы, к которой относятся, в том числе, речевые особенности представителей определённой нации». На каком основании это утверждается? Так кажется автору, или он провел серию экспериментов? Или ссылается на какие-то другие экспериментальные данные? Нет ссылок в этом фрагменте текста и не может быть, т.к. на такие специфические высказывания лингвисты не отваживаются.

Автор утверждает, что «возникает необходимость не в «выстраивании общей цепочки» возникновении значений и не в простом перечислении огромного количества соответствующих причин, а в исследовании семантического потенциала слова, зависящего от концептуального пространства». В истории языкознания никто на это не покушался, понимая, что причины семантической динамики можно установить в очень редких случаях именно в силу постепенного изменения ассоциативных связей понятий и слов, репрезентирующих их. Кроме того, концептуальное пространство может моделироваться только на основе данных языка, а не наоборот.

А какова же методика, процедура этого предполагаемого автором исследования? Она обходится без выстраивания цепочки значений? На каком теоретическом основании? Как устанавливается потенциал? Ответов на все эти вопросы нет.

Несколько **частных замечаний относительно терминов**, употребляемых в главе. Автор пишет: «в современной лингвистике вместо традиционных формулировок «расширение» и «сужение» значения зачастую употребляют термины генерализация и специализация»; «термин «генерализация», как переход от более конкретных объектов к более абстрактным». Генерализация – это определенная операция, интерпретирующая характер изменения значения. Перепутаны не только вид семантического изменения, модель, но и операции интерпретации. Специализация – вид изменения семантики, инвариантный по отношению ко многим другим.

Иррадиация – это не вид, а путь семантического развития, отражающий характер логических операций для описания взаимодействия лексем. Их может быть несметное количество. Вид семантического развития выявляет характер изменения содержательных компонентов исходного значения.

Странное употребление термина «словообразование»: «понятие не ограничивается рамками значения отдельно взятого слова. Оно может «потребовать для себя» разные описательные средства, в том числе в других языках, а также закрепиться в новых *словообразованиях*».

Третья глава диссертации – «Вербализация диахронического пространства религиозной концептосферы» посвящена доказательству положений 3-5, вынесенных на защиту. Это основная глава работы, в которой представлена интересная по своей сути модель диахронического развития исследуемой лексической группы. Здесь, во-первых, автор заявляет семантико-когнитивный анализ религиозной лексики, для чего предпринимает попытку определения необходимых для такого анализа терминов. Однако, на наш взгляд, нет смысла выносить фундаментальную терминологическую проблему определения концепта в параграф объеме менее страницы, тем более что основные тенденции в определении концепта в науке уже установлены, а соискатель не дает ни своего определения, ни присоединяется к какому-либо другому, хотя и смешивает на этой странице философский аспект определения концепта как понятия с психолингвистическим и приписывает определение Е.С. Кубряковой Д.С. Лихачеву.

И хотя процедура семантико-когнитивного анализа не определена, анализ слова *Бог* показывает, что соискатель исследует его деривационное, лексико-фразеологическое и паремиологическое поля, выявляя общие направления их семантической динамики. Правда, почему анализ названных лексических полей называется концептуальным, оппоненту осталось неясным.

Далее соискатель утверждает, что в разных языках динамические связи деривационного, лексико-фразеологического и паремиологического полей слова в диахронии сохраняются, что позволяет, по сути, моделировать диахроническое макрополе концепта, в которое принципиально можно включить все его временные (синхронические) микрополя и объединить их инвариантным ахроническим ядром, которое соискатель называет относительной (семантической) константой. При этом концепты, существующие ограниченное время, называются синхронемами, время существования и скорость изменения которых различны.

Диахронический процесс развития семантики, таким образом, может быть смоделирован на основе «длины динамических связей» синхронем, которую автор диссертации считает внутренней причиной развития семантики. К сожалению, понятия скорости изменения синхронем, длины динамических связей лингвистически не определяются, а они возможны при наличии имеющихся методик компонентного анализа.

Актуализируется в главе и понятие вербализации концепта, под которой понимается, вслед за Н.Ф. Алефиренко, не только выражение концепта соответствующими языковыми средствами, но и его когнитивно-коммуникативная актуализация. Вторая часть определения, главная, на наш взгляд для данного исследования, не толкуется. Соискатель выделяет слабую и сильную вербализацию, подчеркивая, что только сильная позволяет проследить семантическое развитие лексемы (семантизация / сакрализация, семантическая дивергенция, переинтерпретация, десемантизация / десакрализация, ресемантизация/ресакрализация). Делается вывод о том, что семантическое развитие конкретного религионима носит системный характер и зависит от размеров диахронического поля религиозного концепта. Автор также высказывает и рядом примеров аргументирует мысль о том, что религиозная концептосфера детерминирована не национальным менталитетом, а именно общими закономерностями развития ее.

В качестве перспективы исследования возможно процедурное установление размеров этого поля, определение его сущностных параметров. Пока автор только замечает, что «наличие большого числа фразеологизмов, среди которых есть те, где трудно обнаружить семантическое развитие, говорит о больших размерах концепта» (с. 113). Попутно у автора возникает теоретический вопрос о сути когнитивного механизма преобразования семантики и, в частности, возникновения противоположного значения слова.

Вместе с тем диссертация Д.И. Рыжкова вводит в научный оборот новый языковой материал и акцентирует актуальное поле его исследования. Соискатель предпринимает попытку применить терминологический аппарат современных лингвоконцептологических штудий к анализу религиозной лексики, характеризующейся семантической и структурной спецификой. В работе предлагается путь ее анализа, учитывающий диахроническую

динамику семантики, которая представляет изменение поля концепта, названного лексемой.

Автор видит причину развития содержания концепта во временной, постепенной, но не обязательно линейной вербализации связанных с ним внеязыковых ситуаций, отраженных в сознании, что также нелинейно и не одномоментно меняет сочетаемость лексем, а в итоге – и их значение. Ментальный синтез этих ситуаций формирует концепт. Соискатель подчеркивает, что динамика значения в разных языках может быть связана с вербализацией разных фрагментов определенного концептуального пространства, что может определять и объем единицы, представляющей концепт, и ее коннотации. Считаю эти результаты важными, новыми и перспективными для развития лингвоконцептологии.

Диссертация Д.И. Рыжкова «Семантическое развитие христианской религиозной лексики (на материале латинского, французского, итальянского, английского и русского языков)» посвящена актуальной проблеме лингвистической семантики, характеризуется необходимыми признаками научной новизны, имеет определенное теоретическое и практическое значение и в основном соответствует требованиям, предъявляемым к диссертационным работам на соискание ученой степени кандидата наук (пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученой степени», утвержденного Правительством РФ Постановлением № 842 от 24.09.2013 г.). Ее автор, Рыжков Денис Игоревич, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02. 19 – теория языка.

Доктор филологических наук (научная специальность 10.02.19 – Теория языка), профессор, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

119034 Г. Москва, ул. Остоженка, 38

телефон: 8 (499) 2452994

e-mail pishchalnikova@mail.ru

Пищальникова Вера Анатольевна _____

01.02. 2018 г.

Личную подпись В.А. Пищальниковой заверяю. Зам. начальника
Управления кадрами ФГБОУ ВО «Московский государственный
лингвистический университет» _____ Н.А. Куликова

01.02. 2018 г.